

Сочинения Николая Гоголя. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Сочинения Николая Гоголя. В. Г. Белинский

СОЧИНЕНИЯ НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ. Четыре тома. Санкт-Петербург. 1842. В типографии Бородина и К°. В 8-ю д. л. В I томе – 186 и 259, во II – 490, в III – 465, в IV – 590 стр.

В литературном отношении нельзя было блистательнее заключиться старому году и начаться новому, как выходом сочинений Гоголя. Дай бог, чтоб это было счастливым предзнаменованием для нового года – чтоб мы увидели в течение его не одни тетрадки и выпуски с картинками, не одни сказки, досужую посредственностью изготовляемые во множестве по заказу литературных антрепренеров!..

Нам нет никакой нужды говорить о том, что содержат в себе эти четыре тома: публика уже знает это сама – четыре тома уже прочтены ею, по крайней мере в обеих наших столицах, если еще не успели они проникнуть в глушь провинций.

Итак, история «Мертвых душ» готова повториться: публика читает, журналы в хлопотах, особенно те, которым так не по сердцу произведения Гоголя... их успех, хотели мы сказать{1}. «Северная пчела» уже подала голос, но она хвалит Гоголя (№ 18): «Мы думаем, – говорит она, – что для г. Гоголя вовсе не будет унижением, когда мы его поставим на одну доску с Поль де Коком и Пиго-Лебренем, писателями талантливыми, но не имевшими претензий на поэзию и философию». Увы! мы, с своей стороны, не можем поставить автора этих строк на одну доску ни с Поль де Коком, ни с Пиго-Лебренем, – именно потому, что они писатели талантливые, хотя и не имевшие притязания на поэзию и философию... А «Северная пчела» – надо отдать ей в этом честь, – не имея притязаний ни на талант, ни на поэзию, сильно претендует на философию, особенно когда хлопочет об участии не читаемых ею, по ее словам, «Отечественных записок»: вот и теперь она трунит, сколько хватает ее остроумия, как над образцом нелепости и бессмыслия над этим стихом Гете из второй части его «Фауста»:

In deinem Nichts hoff'ich All zu finden[1]{2}.

Ну, уж конечно, если эта газета может в «Фаусте» Гете находить бессмыслицы и нелепицы, то что же для нее произведения Гоголя, что его поэзия и философия: довольно с него и того, если эта газета поставит его на одну доску с Поль де Коком и Пиго-Лебренем. Жаль, что Гоголь никогда не узнает об этом «производстве» и потому не будет иметь возможности поблагодарить «Северную пчелу»... свойственным ему образом...

Но пора отвернуться хоть на время от шумного рынка этой литературы: наше внимание зовет теперь к себе то, что составляет в настоящую минуту гордость и честь русской литературы – четыре тома сочинений Гоголя...

«Вечера на хуторе близ Диканьки», которыми началось поэтическое поприще Гоголя и которые теперь в третий раз выходят в свет, оставлены автором без всяких изменений{3}. Так и должно было быть: порождения легкой, светлой юношеской фантазии, веселые песни на пиру еще неизведанной жизни, они не могли подвергнуться изменениям поэта, который уже давно смотрит на жизнь взором глубоким, пронзительным и грустно-важным. Для самого поэта эти образы, светлые, как майская ночь его Малороссии, радостные, как звучный смех его Оксаны, шаловливые, как затеи неугомонных парубков, товарищей удалого Левко, сладостно-задумчивые, как светлоокая панночка-утопленница, добродушно-насмешливые, как вечно веселая юность, – все эти образы навсегда остались милы поэту, как первый поцелуй любви, как шипучая пена впервые осушенного бокала, как память о волшебных днях беспечно блаженного младенчества... Он сам говорит в предисловии: «Всю первую часть следовало бы исключить вовсе: это первоначальные ученические опыты, недостойные строгого внимания читателя; но при них чувствовались первые сладкие минуты молодого вдохновения, и мне стало жалко исключить их, как жалко исторгнуть из памяти первые невозвратной юности. Снисходительный читатель может пропустить весь первый том и начать чтение со второго». Так говорит поэт, – и он имеет полное право простирать свою строгость к самому себе за пределы умеренности и справедливости; но публика тоже права, не соглашаясь с ним. Всякий период жизни человеческой прекрасен и должен иметь свои песни и своих певцов; «Вечера на хуторе» есть одна из таких вечно звучных песен юности, которых цель и назначение – вновь возвращать на волшебное мгновение самой старости невозвратно улетевшую юность...

Во второй части, заключающей в себе «Миргород», подверглись значительным изменениям повести: «Тарас Бульба» и «Вий». Первая, вследствие этих изменений, сделалась вдвое обширнее и бесконечно прекраснее. Поэт чувствовал, что в первом издании «Тараса Бульбы» на многое только намекнуто и что многие струны исторической жизни Малороссии остались в нем нетронутыми. Как великий поэт и художник, верный однажды избранной идее, певец Бульбы не прибавил к своей поэме ничего такого, что было бы чуждо ей, но только развил многие уже заключавшиеся в ее основной идее подробности. Он исчерпал в ней всю жизнь исторической Малороссии и в дивном, художественном создании навсегда запечатлел ее духовный образ: так ваятель уловляет в мраморе черты человека и дает им бессмертную жизнь... Особенно замечательны подробности битв малороссиян с поляками под городом Дубно и эпизод любви Андрия к прекрасной польке. Вся поэма приняла еще более возвышенный тон, проникнулась лиризмом. Впрочем, суждение об этом – смело можем сказать – великом создании завело бы нас далеко, – чего не позволяет нам ни место, ни время, и потому пока отлагаем его. Повесть «Вий» через изменения сделалась много лучше против прежнего, но и теперь она более блестит удивительными подробностями, чем своею целостию. Недостатки ее значительно сгладились, но целого по-прежнему нет. «Старосветские помещики» и «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» остались совершенно без изменений: очевидно, эти два превосходные произведения так хорошо вызрели в душе, что могли сразу явиться во всей определенности своей идеи, во всей полноте своей художественной жизни.

К таким же зрело художественным и отчетливо концепированным произведениям принадлежит и «Невский проспект», которым начинается третья часть; только эта повесть, по своему содержанию, далеко глубже и выше тех двух. «Нос» – этот арабеск, небрежно набросанный карандашом великого мастера, значительно и к лучшему изменен в своей развязке. О «Портрете» и «Риме» публике известно наше мнение, за которое один журнал недавно объявил нас – ругателями Гоголя!!{4} Такова толпа: ей или хвали до надсады груди, или унижай до последней крайности, но не смей хвалить за одно и порицать за другое в одно и то же время... Мнение наше о «Портрете» и «Риме» остается то же, несмотря ни на чьи крики и клеветы, – и мы подробно разовьем это мнение в обещанной нами большой статье о сочинениях Гоголя{5}. «Коляска» – мастерской юмористический очерк, в котором больше поэтической жизни и истины, чем во многих пудах романов многих наших романистов, – и «Записки сумасшедшего» – одно из глубочайших произведений Гоголя, также остались без перемены. «Шинель» есть новое произведение, отличающееся глубиной идеи и чувства, зрелостью художественного резца.

В четвертом томе очень много нового, и мы особенно рады, что из него даже петербургская публика познакомится с новою комедиею (впрочем, еще прежде «Ревизора» написанною) Гоголя – «Женитьба, совершенно невероятное событие в двух действиях». Здесь, в Петербурге, она давалась на сцене; но там мы не узнали ее, ибо нет ничего общего между тем, что видели мы на сцене и что читаем теперь в книге... Никого не обижая, ни на кого не жалуясь, мы кстати заметим здесь, что еще не пришло время у нас для национального театра{6}. Большая часть актеров наших смотрит на сценическое искусство, как на обязанность говорить то, чего не чувствует... Это напоминает нам слова Гоголя в его письме о представлении «Ревизора»: «Вообще у нас актеры совсем не умеют лгать. Они воображают, что лгать значит просто нести болтовню. Лгать значит говорить ложь тоном столь близким к истине, так естественно, так наивно, как можно говорить только одну истину, и здесь-то заключается именно все комическое лжи»{7}. Точно так же, прибавим мы от себя, большая часть наших актеров не хочет понять, что искренность и наивность суть первые условия сценического искусства и комизма и что поэтому смешить публику должно естественным воспроизведением характера, созданного поэтом, а не утрированием характера: ибо как в самой действительности никто не станет выставлять на вид резкие странности своего характера, чтоб смешить ими других, но каждый тем и смешон, что и не подозревает своей смешной стороны, так и в сценическом искусстве – этом зеркале действительности – актер должен забыть, что он играет смешную роль, и помнить только, что он представляет характер, из природы и действительности взятый. Конечно, смех публики есть награда комическому актеру, но он должен возбуждать этот смех естественным выполнением представляемого им характера, а не явным желанием во что бы то ни стало возбудить смех – не резкими движениями, не уродливым костюмом... Кстати о костюмах! вот что говорит Гоголь в своем письме о выполнении роли Бобчинского и Добчинского: «Зато оба наши приятеля, Бобчинский и Добчинский, вышли, сверх ожидания, дурны. Хоть я и думал, что они будут дурны, ибо, создавая этих двух

Сочинения Николая Гоголя. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
маленьких чиновников, я воображал в их коже Щепкина и Рязанцова, но все-таки я думал, что их наружность и положение, в котором они находятся, как-нибудь вынесут их и не так обкарикатурят. Сделалось напротив: вышла именно карикатура. Уже перед началом представления, увидевши их костюмированными, я ахнул. Эти два человека, в существе своем довольно опрятные, толстенькие, с прилично приглаженными волосами, очутились в каких-то нескладных, превысоких седых париках, всклоченные, неопрятные, взъерошенные, с выдернутыми огромными манишками; а на сцене оказались до такой степени кривляками, что просто было невыносимо» (т. IV, стр. 203.)

«Игроки» – целая комедия, по концепции и выполнению вполне достойная имени своего автора. Сцены: «Тяжба», «Лакейская» и «Отрывок» – живые картины разных слоев и сфер русского общества. Но выше их «Театральный разъезд после первого представления комедии»: {8} в этой пьесе, поражающей мастерством изложения, Гоголь является столько же мыслителем-эстетиком, глубоко постигающим законы искусства, которому он служит с такою славой, сколько поэтом и социальным писателем. Эта пьеса есть как бы журнальная статья в поэтически-драматической форме, – дело, возможное для одного Гоголя! В пьесе этой содержится глубоко сознанный теория общественной комедии и удовлетворительные ответы на все вопросы, или, лучше сказать, на все нападки, возбужденные «Ревизором» и другими произведениями автора. Разобрать это превосходное произведение нельзя, не делая из него выписок, а делать из него выписки тоже нельзя, по двум причинам: по невозможности выбора прекрасного из равно прекрасного и еще потому, что вся пьеса проникнута таким единством мысли, развитой и изложенной так логически и последовательно (несмотря на поэтически-драматическую форму), что надобно было бы переписать ее всю от начала до конца... И так как мы будем еще иметь множество случаев обращаться к ней, удовольствуемся выпискою ее проникнутого высоким лиризмом и глубокою мыслию окончания: достойнее нельзя заключить речи о Гоголе, как его же словами...

Автор пьесы, в сенях театра, выслушав толки о ней людей всяких сословий, говорит, оставшись один:

Я услышал более, чем предполагал. Какая пестрая куча толков! Счастье комику, который родился среди нации, где общество еще не слилось в одну недвижимую массу, где оно не облеклось одной корой старого предрассудка, заключающего мысли всех в одну и ту же форму и мерку, где что человек, то и мнение, где всякий сам создатель своего характера. Какое разнообразие в этих мнениях, и как везде блеснул этот твердый ясный русский ум! И в этом благородном стремлении государственного мужа! и в этом высоком самоотвержении забившегося в глушь чиновника! и в нежной красоте великодушной женской души! и в эстетическом чувстве ценителей! и в просто верном чувстве народа! Как даже в этих недоброжелательных осуждениях много того, что нужно знать комику. Какой живой урок! Да, я удовлетворен. Но отчего же грустно становится моему сердцу! Странно: мне жаль, что никто не заметил честного лица, бывшего в моей пьесе. Да, было одно честное, благородное лицо, действовавшее в ней во все время продолжения ее. Это честное, благородное лицо был – смех. Он был благороден потому, что решился выступить, несмотря на низкое значение, которое дается ему в свете. Он был благороден потому, что решился выступить, несмотря на то, что доставил обидное прозвание комику, прозвание холодного эгоиста, и заставил даже усомниться в присутствии нежных движений души его. Никто не вступился за этот смех. Я комик, я служил ему честно и потому должен стать его заступником. Нет, смех значительней и глубже, чем думают. Не тот смех, который порождается временной раздражительностью, желчным, болезненным расположением характера; не тот также легкий смех, который весь излетает из светлой природы человека, излетает из нее потому, что на дне ее заключен вечно бьющийся родник его, который углубляет предмет, заставляет выступить ярко то, что проскользнуло бы, без проникающей силы которого мелочи и пустота жизни не испугали бы так человека. Презренное и ничтожное, мимо которого он равнодушно проходит всякий день, не возросло бы перед ним в такой страшной, почти карикатурной силе, и он не вскрикнул бы, содрогаясь: неужели есть такие люди? тогда как, по собственному сознанию его, бывают хуже люди. Нет, несправедливы те, которые говорят, будто смех возмущает. Возмущает только то, что мрачно, а смех светел. Многие бы возмутило человека, быв представлено в наготе своей; но, озаренное силою смеха, несет оно уже примирение в душу. И тот, кто понес бы мщение противу злобного человека, уже почти мирится с ним, видя осмеянными низкие движения души его. Несправедливо говорят, что смех не действует на тех, противу которых устремлен, и что плут первый посмеется над плутом, выведенным на сцене: плут-потомок посмеется, но

Сочинения Николая Гоголя. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
плут-современник не в силах посмеяться! Он слышит, что уже у всех остался неотразимый образ, что одного низкого движения с его стороны достаточно, чтобы этот образ пошел ему в вечное прозвище; а насмешки боится даже тот, кто уже ничего не боится на свете. Нет, засмеяться добрым, светлым смехом может только одна глубоко добрая душа. Но не слышат могучей силы такого смеха: что смешно, то низко, говорит свет; только тому, что произносится суровым, напряженным голосом, тому только дают название высокого. Но, боже! сколько проходит ежедневно людей, для которых нет вовсе высокого в мире! Все, что ни творилось вдохновением, для них пустяки и побасенки; создания Шекспира для них побасенки, высокие движения души – для них побасенки. Нет, не оскорбленное мелочное самолюбие писателя заставляет меня сказать это, не потому, что мои незрелые, слабые создания были сейчас названы побасенками. Нет, я вижу свои недостатки и вижу, что достоин упреков. Но не могла выносить равнодушно душа моя, когда совершеннейшие творения честились именами пустяков и побасенок! Ныла душа моя, когда я видел, как много тут же, среди самой жизни, безответных, мертвых обитателей, страшных недвижимым холодом души своей и бесплодной пустыней сердца; ныла душа моя, когда на бесчувственных их лицах не вздрагивал даже ни призрак выражения от того, что повергало в небесные слезы глубоко любящую душу, и не коснел язык их произнести свое вечное слово: побасенки! Побасенки!.. а вон протекли веки, города и народы снеслись и исчезли с лица земли, как дым унеслось все, что было, – а побасенки живут и повторяются поныне, и внемлют им мудрые цари, глубокие правители, прекрасный старец и полный благородного стремления юноша. Побасенки! А вон: стонут балконы и перила театров, все потряслось снизу доверху, превратясь в одно чувство, в один миг, в одного человека, все люди встретились, как братья, в одном душевном движении, и гремит дружным рукоплесканьем благодарный гимн тому, которого уже пятьсот лет как нет на свете. Слышат ли это в могиле истлевшие его кости? отзывается ли душа его, терпевшая суровое горе жизни? Побасенки!.. А вон, среди сих же рядов потрясенной толпы, пришел удрученный горем и невыносимой тяжестью жизни, готовый поднять отчаянно на себя руку, и брызнули вдруг свежительные слезы из его очей, и вышел он примиренный с жизнью, и просит вновь у неба горя и страданий, чтобы только жить и залиться вновь слезами от таких побасенок. Побасенки! Но мир задремал бы без таких побасенок, обомлела бы жизнь плесенью, и тиной покрылись бы души. Побасенки!.. О, да пребудут же вечно священны в потомстве имена благосклонно внимавших таким побасенкам: чудный перст провиденья был неотлучно над главами творцов их. В минуты даже бед и гонений все, что было благороднейшего в государствах, становилось прежде всего их заступником. Бодрей же в путь! И да не смутится душа от осуждений, но примет благодарно, указания недостатков, не омрачаясь даже и тогда, если бы отказали ей в высоких движениях и в святой любви к человечеству! Мир, как водоворот: движутся в нем вечно мнения и толки, но все перемальвает время. Как шелуха, слезает ложь и, как твердые зерна, остаются недвижимые истины. Что признавалось пустым, может явиться потом вооруженное строгим значением. Во глубине холодного смеха могут отыскаться горячие искры вечной могучей любви. И почему знать, может быть будет признано потом всеми, что в силу тех же законов, почему гордый и сильный человек является ничтожным и слабым в несчастье, а слабый возрастает, как исполин, среди бед, в силу тех же самых законов, кто льет часто душевные, глубокие слезы, тот, кажется, более всех смеется на свете!..{9}

Сноски

1 В твоём ничто я надеюсь найти всё (нем.). – Ред.

Комментарии

1 По-прежнему с грубыми нападками на Гоголя выступил Сенковский (см. его рецензию на «Сочинения Николая Гоголя». – «Библиотека для чтения», 1843, т. LVII, отд. VI, с. 21–28).

2 Цитируется не совсем точно. У Гете: «In deinem Merits hoff'ich das All'zu finden».

3 Первое издание – 1831–1832 гг., второе – 1836 г. В рассматриваемом издании «Вечера...» вошли в первый том.

4 Речь идет о статье Белинского «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души». В связи с этой статьей Белинский был назван «ругателем Гоголя» («Москвитянин», 1843, № 1, с. 283).

Сочинения Николая Гоголя. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
5 Это намерение не было осуществлено.

6 См. примеч. 63 к статье «Русская литература в 1842 году».

7 Белинский цитирует не совсем точно «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору».

8 Точнее: «Театральный разъезд после представления новой комедии».

9 В цитате несколько мелких разночтений с текстом Гоголя.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!